Вступление

Абул Ала Маари,

Поэт знаменитый Багдада,

Про́жил три раза десять лет в
великолепном граде калифов,

Прожил в усладах и в славе;

У вельмож и богатых садился за стол,

С учеными и с мудрецами вступал в
разговор,

Друзей любил и изведал,

В землях разных народов бывал;
смотря, наблюдал и людей и законы,
—

И его проницательный дух постиг
человека, постиг и глубоко
возненавидел.

И так как он не имел ни жены, ни
детей,

Нищим он роздал богатство,

Собрал караван из верблюдов, взял
несколько старых, испытанных слуг,

Взял припасы в дорогу и ночью, когда

Под сладострастные шелесты пальм в

сон погрузился

Багдад на берегах, кипарисами
убранных, Тигра,

Тайно из города вышел.

Сура 1

И караван Абул Алы, как ручей, что,
журча, бежит средь песков,

В дремотной ночи неспешно шагал, со
звяканьем нежным больших
бубенцов.

Размеренным шагом путь совершал
ночной караван, виясь как змея,

И звон сладкозвучный лился,
затоплял погруженные в сон немые
поля.

Облелеянный негой, в дремоте Багдад
был истомой объят райски-пламенных
грез,

В гелистанах газели пел соловей:
песни сладкие страсти пел сладко до
слез.

Водометы смеялись, роняя вокруг
адамантовый смех, ясный смех без
конца;

Благовонных лобзаний лился фимиам
от кристальных киосков в
преддверьях дворца.

Ароматом гвоздики рассказывал ветр
сказки древних времен, сказки
Шехерезад;

Кипарисы и пальмы в изнеженном сне
у старой дороги качались в ряд.

И караван, виясь как змея, назад не
глядел, звенел дальше во мглу,

Неизведанный путь неисчетностью
чар манил и ласкал Абул Алу.

И другой караван — бриллиантовых
звезд — свой путь совершал по
небесным путям,

И торжественно-ясный, божественный
звон звенел в беспредельных
просторах и там.

Был полон весь мир, очарован во сне
беспредельным напевом, перезвоном
с небес,

И душой ненасытной Абул Маари
неумолчным внимал перезвонам с
небес.

«Иди, всё иди ты, мой караван! шагай
всё вперед, остановок нам нет!»

Так в душе сам с собой говорил с
тоской Абул Маари, великий поэт.

«В пустыню веди, к безлюдным краям,
свободным, святым, в изумрудную
даль,

К солнцу стремись, торопись! будет мне в сердце солнца спалить свое сердце не жаль!

Вам „прости“ не скажу я, могила отца, материнская люлька под кровлей родной,

С былым мое сердце в ссоре навек: с тобой, отчий дом! память детства, с тобой!

Когда-то любил я сердечно друзей, и далеких и близких, не всех ли людей,

Но стала любовь ядовитой змеей и огненной мучит отравой своей!

Я всё ненавижу, что прежде любил, что в душах людских мой взор подсмотрел:

Тысячу зол я в людях обрел — отвратных и черных, позорных дел!

Но тысячу первым гнушаюсь я злом — лицемерием гнусным, что хуже всех зол,

Я бегу от него, ибо красит оно человеческий лик в святой ореол.

Язык человека! души его ад в покров убираешь ты, в сотню прикрас,

В лазурный намет, в поцелуй, в аромат, — но правдивое слово сказал ли хоть раз?

Язык человека! Отравленный дрот!
Мед струя, ты мне сердце пробил, как стрела.

В сердце умерло небо любви и надежд, и, как солнце заходит, в нем вера зашла.

В пустыню иди ты, мой караван! в безлюдный, и в дикий, и в знойный край!

Под грозной стеной медно-рыжих скал там сделай привал, меж зверей отдыхай!

Где гнезда ехидн, разобью свой шатер! разобью свой шатер, где спит скорпион!

Вдали от людей будет в тысячу раз безопасней, покойней, прекрасней мой сон!

Безопасней, чем в дни, когда я преклонял главу утомленно другу на грудь,

Ах, другу на грудь, под которой всегда разверстая бездна готова сглотнуть.

Доколе Синая седую главу суровое солнце будет палить

И желтые груды в пустыне нагой, как волны морей, волноваться и бить, —

Я не захочу увидеть людей, друзей былых и кровных родных,

Я не захочу услышать о них, об их делах, ничтожных и злых!»

В последний раз Абул Маари, обратясь, на Багдад уснувший взглянул,

Свой морщинистый лоб с отвращеньем отвел и к шее верблюда любовно прильнул,

Со сладостной лаской поэт целовал горячим лобзаньем верблюда в глаза,

И одна за другой палящей росой по ресницам поэта стекала слеза.

Со звяканьем нежным, качаясь в песках, спокойно, размерно шагал караван,

По пустыне вперед совершал свой поход к голубым берегам неизведанных стран.

Сура 2

И тот караван, виясь как змея, меж пальм горделивых свой путь совершал.

И песок поднимал, песка караван, и ветер игривый ту пыль развевал.

«Вперед, караван! что кинули мы, чтоб глядеть, сожалея, на жизнь прошлых лет?»

Так в душе сам с собой говорил с
тоской Абул Маари, великий поэт.

«Что за нами осталось, о мой караван!
чтоб вернуться назад, в отчизну свою?

Покинули мы друзей и жену?
богатство и славу, родных и семью?

Покинули мы людей и народ? закон,
справедливость, отчизну, права?

Иди и не медли! покинули мы лишь
оковы и цепи, обман и слова!

Ах! женщина что? кровожадный паук,
коварный и лживый, тщеславье без
дна,

Что любит лишь хлеб твой; и, яд в
поцелуй вливая, другому она продана!

На ветхой ладье лучше в море плыви,
чем женщине, клятве преступной,
поверь:

Устами ее Иблис говорит! о блудница,
в красивом обличии зверь!

О лилии чистой, лучистой звезде ты
мечтал, ты желал спать под светлым
крылом,

Ждал, что будет она бальзамом для
ран, над страдающей жизнью
сияющим сном,—

Ты грезил о песне, как песнь родника,
что влечет и поет в голубых берегах.

Жаждал сладостных слез на небесной груди, бессмертной росы на прелестных очах!

Но жаждущим душам женщин любовь только горечь сулит, как морская вода.

В сладострастном томленье ты тело лобзал, не насыщен и с новым желаньем всегда!

О бесстыдное тело женщин! змея! преступленья и зла сатанинский сосуд!

Упоения горьки, палящие плоть, и на солнце души они тучу несут!

Ненавижу любовь, этот буйный прибой обжигающих больно, палящих пучин,

Этот сладостный яд, опьяняются чем и жалостный раб, и царь-властелин!

Ненавижу любовь, что жестока, как смерть, что рождает повсюду зло без узды,

Неисчерпаемый ключ, что струит на весь мир постыдную тину вместо воды!

Ненавижу я женщин, лобзания их, гнушаюсь коварств, оскверняющих нег,

От порочного ложа ласки бегу и родильницы одр проклинаю навек!

Вас, жестокие роды и боли, кляну!
порождаете вы стаю хищных випер,

Что, клубяся, шипят и друг друга язвят,
чадной страстью сквернят звезды
выспренных сфер!

Тот бесчестен, себя превратил кто в
отца, из блаженного сна вызвал
новый росток,

В жизни сей стебелек на страданья
обрек и над ним бытия геенну зажег!

„Согрешил мой отец в былом предо
мной, но я ни пред кем греха не
свершил!“

Напишите так на могиле моей, если
мне суждено ведать радость могил.

Доколе вокруг изумрудных брегов
Геджаса гремит прибоя удар —

Желать я не буду женской любви,
искать я не стану обманчивых чар.

Скорей возжелаю терновник ласкать,
его куст целовать, что дик и колюч.

Скорей на скалу главу положу,
ланитой прильну на камень горюч!»

И караван, стозвучно звеня, свой путь
продолжал, виясь как змея,

Спокойно и стройно к пустыне нагой
он шел всё вперед в золотые поля.

Казалось, рыдали в ночи бубенцы и

звонкие слезы по капле лились,

Как будто рыдали о том, что в былом
любил Маари, и твердили: «Вернись!»

Свирели зефиров пели во мгле так
сладко, нежней, чем напевы шарги,

Про раны любви, про тоскливую
скорбь, про тихие сны и мечтанья
тоски.

Были сумрачны думы Абул Алы, и
грусть его снов — без конца, без
границ,

Как путь, что угрюмо тянулся средь
мглы, вился меж песков без конца,
без границ.

В душе тосковал Абул Маари,
безнадежной тоской было сердце
полно,

К созвездиям нежным он взор
устремлял, с безбрежным путем
сливаясь в одно,

Но назад не глядел на пройденный
путь, и душа не горела забытым
былым,

Отвечать не хотел на приветы других и
приветов не слал караванам другим.

Сура 3

И караван Абул Алы, как ручей, что

журчит посреди тишины,

Спокойно и стройно шел всё вперед
при сладостном свете смиренной
луны.

И луна, словно грудь юной девы — из
тех, что мечтают в дженнате,
прозрачна, светла,

То стыдливо скрывалась во мглу
облаков, то зыбко и нежно по небу
плыла.

В благовонную дрему укрылись цветы,
из алмазов надев несравненный убор,

Птицы, с крыльями радуг, ласкались,
дрожа; доносился их щебет как
радостный хор.

Ароматом гвоздики нашептывал ветр
сказки древних времен, сказки
Шехерезад;

Кипарисы и пальмы в изнеженном сне
у старой дороги качались в ряд.

Сказкам ветра внимая, Абул Маари
сам с собой говорил, знаменитый
поэт:

«Вся вселенная — сказка, полная чар,
где нет конца и начала где — нет.

Кто же сплел эту сказку, роскошный
рассказ, сплел с ней вместе
созвездья, бессчетность чудес?

Говорит беспрестанно с таким волшебством на бессчетность ладов, говорит, но исчез?

Возникают народы, уходят во мглу, но никто разгадать смысла сказки не мог.

Лишь поэты порой, что-то в ней угадав, бессмертный напев оставляют в залог.

Начала ее не слышал никто, не услышит никто ее конца,

Но веками живет каждый жизненный звук, без начала живет, живет без конца.

Для каждого, кто приходит в сей мир, прекрасная сказка также нова,

Начинается с жизнью, до смерти звучит, пока жив человек, эта сказка жива.

Вселенная — сказка, жизнь — некий сон, народы — прохожий в пути караван,

Идущий вперед с пламенеющим сном к недвижным могилам неведомых стран.

Слепцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля той сказке святой,

Вырывают с борьбой друг у друга куски, друг друга толкают к могиле с

борьбой.

Мы создали сами законов ярмо; паук нам расставил губящую сеть;

Волшебную сказку мы сами мертвим и снам не даем их огнем пламенеть.

Злосчастные люди! всё будет лишь прах: ваши злые сердца и дела ваших рук.

Безучастное время сотрет все следы кровавой расправы, и славы, и мук!

И ветер беспечный будет свистеть над плитами ваших забытых гробов,

Ибо вы не сумели упиться вполне этой сказкой волшебной, целебностью снов!»

Меж тем караван бриллиантовых звезд свой путь совершал по небесным путям,

И торжественно-ясный, божественный звон звенел неумолчно в просторах и там.

Был полон весь мир, очарован во сне беспредельным напевом, перезвоном с высот,

И душой ненасытной Абул Маари неумолчным внимал перезвонам с высот.

«Иди, караван мой! сплетая свой звон

со звоном небесным, нетленным, иди!

В материнское лоно природы веди,
развей мои стоны, назад не гляди!

В тот светлоодеждный, неведомый
край, к одинокой, далекой, безвестной
стране,

Где есть мой оаз, где грез моих ключ
звенит, освежая, в святой тишине!

Молчаливое небо! со мной говори
языком твоих звезд и меня утешай!

Ты сердце мое, что мир уязвил, что
ужалили братья, в тиши обласкай!

Свободен мой дух! над собой не
терплю я ни силы, ни власти, всё —
воля моя:

Нет для меня ни блага, ни зла, ни суда,
ни закона, я сам — свой судья!

Над моей головою быть не должно ни
защиты, ни крова от вечной Судьбы;

Пусть вне жизни моей как в темнице
темно, пусть там, где не я, цари и
рабы!

Быть хочу вне пределов, не ведать
владык, долга не знать, забыть
божество:

Быть свободной безмерно, безгранно
во всем — душа моя жаждет лишь
одного!»

Караван всё вперед совершал свой
поход, и сияли над ним — так смеется
дитя —

Очи вечно свободных, сверкающих
звезд, в тверди синей над тихой
пустыней блестя.

Росою волшебной в дремотной ночи
весь искрился путь в бирюзовой дали;

В бирюзовую даль, в безмятежную
даль верблюды, качаясь, размеренно
шли.

Сура 4

Как гигантская птица, черная ночь
широко простерла крылья свои;

Огромные крылья нависли, покрыв
караван, всю пустыню, оазы, ручьи...

И от дали до дали сумраки туч
разостлали по небу, чернея, кайму;

Луна и созвездья утратили свет, и
казалось, что тьма окутала тьму.

Налетали сурово ветры, стеня, словно
кони, сорвавшись с узды иль с цепей;

В урагане кружились, крутились в
борьбе облака и песок сожженных
степей.

Смертоносную дрожь вызывали,
свистя, и на сто голосов завывали

вокруг,

Словно звери на воле, от боли рыча,
из железных затворов ринулись вдруг.

Вились по ущельям, с весельем вопя,
листья пальм по оазам крутили,
шурша,

И скорбный псалом запевали потом,
словно чья-то в пустыне рыдала душа.

«Иди, караван мой! стойко иди! против
ветра вперед! остановок нам нет!»

Так в душе сам с собой говорил с
тоской Абул Маари, великий поэт.

«Войте, лютые ветры! ревите кругом!
обвевайте вы, вихри, главу мою!

Вот, робости чужд, с непокрытым
челом, я, буйные ветры, пред вами
стою.

Нет, я не вернусь назад в города, где
ликует, бушует мутная страсть,

Не вернусь никогда я в те города, где
людская царит кровожадная власть.

Нет, я не вернусь, бездомный, домой!
я сам погасил свой отчий очаг.

Горе тому, кто живет в дому, кто не
смеет, как пес, отойти ни на шаг!

Налетите, о ветры, на отчий мой дом!
Расшатайте устои, разрушьте в нем
всё!

Развейте по свету безбрежному пыль!
Дорога без края — мое жилье!

Уединенье — отчизна моя! отчий кров
мне теперь — в звездах небеса!

И караван — теперь мне семья, и мой
покой — пустынь голоса!

О чудесный мой путь, неизвестный
всегда, вечно полная жизни отчизна
моя!

Уводи меня вдаль! сердце, полное
слез, уводи в те края, где один буду я!

И куда б ни привел — и оттуда спеши:
на пути остановка — новая боль!

Добрый путь, уводи, дай исчезнуть,
пропасть, дай скрыться от всех,
затеряться позволь!

Что осталось за нами, о мой караван,
чтоб вернуться назад, в край близких
моих?

Покинули мы друзей и жену?
богатство и славу, семью и родных?

Людей и народ покинули мы? закон,
справедливость, отчизну, права?

Иди всё вперед! покинули мы лишь
оковы и цепи, обман и слова!

Что слава? Сегодня возносят тебя,
именуя, ликуя, к последней черте,

А завтра с презреньем каменьями

бьют и топчут, повергнув в своей
слепоте.

Что честь или что уваженье людей?
чтут золото только, из страха нас чтут,

Но чуть поскользнешься — стал
честен другой, над тобой же свершают
безжалостный суд.

И что же богатство? им каждый глупец
покупает и власть, и талант, и любовь.

Богатство — то трупы убитых людей, и
слезы сирот, и пролитая кровь.

Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле
брани и злобы, где правит толпа,

Где тиран беспощадный во славу свою
в пирамиду слагает жертв черепа!

Ненавижу отчизну! она богачам
тучным пастбищем служит для всяких
потреб,

А пахарь бесправый кровавой земли
голый камень грызет, взирая на хлеб!

Ненавижу я чернь! раболепна, тупа,
она повторяет любой глупый толк.

Но, духа гонитель, насилья упор, она,
власть почуяв, свирепа, как волк!

И общество что? только лагерь врагов,
где всё неизменно в презренном
плену.

Оно не выносит паренья души,

стремленья свободной мечты в
вышину.

Общество — обруч, сжимающий дух!
ужасающий бич, свистящий под смех,

Ножницы жизни, что режут людей,
чтобы равными сделать, похожими
всех.

Ах! что и законы? самими людьми в
руки сильных дается отточенный меч,

Чтобы сильных хранить, чтобы слабых
губить, чтобы головы бедным
безжалостно сечь.

Я ненавижу, во гневе святом, людские
законы, права и суды.

Где властен закон, там бедняк угнетен;
где не дремлют суды, там свобода
вражды.

Путь неведомый мой! бесследно укрой
меня вдалеке от кровавых прав!

Пусть лучше меня растерзает тигр,
чем в силу закона буду я прав.

Меня уведи, о мой караван! ехиднам
доверь, под песком схорони!

Шаг в пустыню направь, от закона
избавь! да в великой свободе пройдут
мои дни!»

А в ярости буйной огнистым мечом
руки молний рубили по мглистости

туч,

Дробились в упор о выступы гор, и
гром грохотал, непокорно-могуч.

Ветры вопили в оазах вдали,
кипарисы и пальмы шумели, треща,

И караван под звон бубенцов
безудержно, быстро бежал, трепеща,

Бежал он, летел он под звон-перезвон,
песчаным плащом покрывая свой
путь,

Как будто гонимый незримой рукой, от
грозной погони спеша ускользнуть.

Сура 5

Благоухали в полдневном жару
нарцисс и затор, дыша, все в цвету,

И караван, затерян в пыли, подвигался
вперед, утомлен и в поту.

«Иди, караван мой! сквозь бурю и
зной, в пустыню войди, остановок нам
нет!»

Так в гневе, с тоской говорил сам с
собой Абул Маари, великий поэт.

«Пусть встретит меня обжигающий
ветр, след в горючих песках пусть
сотрет он навек,

Чтоб меня человек не нашел никогда,

чтоб рядом со мной не дышал
человек.

От людей я в пустыне буду спасен, так
кого же еще мне бояться теперь?

С громким рыканьем в песках на меня
пусть нападает яростный зверь!

Уже вижу я львов рыжешерстных
вдали, что глядят на меня, тая свой
порыв,

И ветер свевает тысячу искр на
желтый песок с их желтеющих грив.

О придите, взываю, я не бегу! придите
пожрать уязвленную грудь!

Я назад в города не вернусь никогда, в
людское жилье не войду отдохнуть.

Быть должно с людьми на страже все
дни, с оружьем в руках озираться
вокруг,

Чтоб тебя не обидел, не растерзал,
накинувшись вдруг, и недруг и друг.

Что люди? под маской — дьявольский
лик! у каждого коготь и жало найдешь,

Копыто и клык; их лживый язык
всегда ядовит и колет, как нож.

Что люди? Им любы крохи твои!
Взирает их взгляд, где от денег ключи.

Готовы отречься, готовы предать, что
стая лисиц, палачи, палачи!

Все низкопоклонны, продажны все,
малодушны и льстивы во дни нищеты,

Все немилосердны, мстительны все,
во дни богатства кичливы, пусты.

Обозревши пески, если счесть все
шаги, что мой караван по дороге
прошел,

Несчетность шагов не сравнится с
числом в единые сутки свершаемых
зол.

И вот говорю я: услышьте меня, ты,
Север и Запад, ты, Юг и Восток!

Чьи враждебные ветры внемлют
теперь правдивым словам, что путник
изрек!

Услышьте, развейте жгучую речь,
пусть от моря до моря узнает весь
свет,

Что хуже, постыдней, чем человек, что
жесточе его — создания нет.

Люблю я шакала и с жалом змею, и
лишь к человеку во мне нет любви.

Кто столь же нещадно мучил меня?
чьи алчные руки столь же в крови?

Доколь над пустыней в синей выси
огневеет созвездий за взглядами
взгляд,

Доколь, воздымаясь, волны песка под

ветром шумят и как змеи шипят,—

Я не захочу человека узреть, не
вернусь к прежней жизни в отчизне,
как в плен,

Пусть вихрь огневой встает предо
мной, пусть мне угрожают зубы гиен!

Беги, караван мой! от шумных пиров,
безумных, развратных, бесстыдных
всегда,

От гнусных базаров торговли и лжи, от
мерзостных скопищ без капли стыда!

От женщин беги и беги от любви, от
дружбы и мести беги целый день.

Мне ненавистно всё, что с людьми,
мне ненавистна людей даже тень.

Иди, караван мой, иди, попирай
копытами землю, права и закон

И пылью пути своего покрывай как
добро, так и зло, — беги дальше под
звон!»

Выпрямив выи крутые свои,
верблюды бежали, как ветер легки,

Бежали под звон, и по их следам, как
другой караван, клубились пески.

Бежали под звон — по сожженным
степям в даль неведомых стран, к
золотистой дали,

Оазы, деревни, деревья, поля

исчезали за ними в песчаной пыли.

Словно испуган, Абул Маари бежал
неустанно всё к новым местам,

Как будто бы люди, женщина долго
гнались беспрестанно за ним по
пятам.

Под звон-перезвон проходил караван
безвозвратно, не глядя, чрез
множество стран,

Мимо сумрачных башен больших
городов, где наживой и страстью люд
алчущий пьян;

Мимо скорбных строений глухих
деревень, столетья объятых
довольством тупым;

Бежал неустанно к пустыне нагой, с
постоянной тоской, по степям
золотым.

Караван всё бежал и ночи и дни свой
путь совершал, виясь как змея,

И в душе размышлял Абул Маари,
нахмурив чело и гнев затая,

Он плакал без слез, и в сердце
впилась немая тоска без конца, без
границ,

А путь его рос, дорога вилась по
равнинам песка без конца, без границ.

Не хотел он взглянуть на пройденный

путь, и прошлого было не жалко ему,

Без ответа приветы других оставлял и приветствий не слал по пути никому.

Сура 6

И караван Абул Алы, врат пустыни достигнув, стал, утомлен.

Аравийской великой пустыни предел пред ним простирался, солнцем сожжен.

Берега кругозора над далью песков загорались один за другим, в свой черед;

Черно-бархатный плащ поднимала мгла;

в фосфорическом блеске дрожал небосвод.

И близ каравана Абул Ала, одинокий, спокойный, задумчивый, сел,

Главу приклонив на златистый утес, он пристально в даль голубую смотрел.

«Как свободен, свободен безбережно я! ужель берега пустыни сполна

Вместят, заключат свободу мою, обнимут свободу без граней, без дна?

Не достигнет рука человека меня, не подсмотрит никто моих пламенных

грез.

О свобода! ты — светлый, святой
аромат роскошных, в раю
расцветающих роз!

Венком этих роз меня увенчай, свой
факел зажги в потемках души!

Ты, свобода, бессмертный, святой Аль-
Коран соловьев, что в раю распевают
в тиши!

Царица пустыня! ты — мир золотой
одиночества! здравствуй, святое
жилье!

Благословен непорочный край, где
люди людей не терзали еще!

Протянись, расстели мятежных песков
безбрежное море во все концы,

Покрой всех людей, упокой города,
селенья, сады, лачуги, дворцы!

С драконами бурь пусть вольность
твоя повсюду отныне над миром
царит,

И, пронзая лазурь, пусть солнце, горя,
свободу пустыни везде золотит!

Волшебством неисчетным, чарующим
сном, всё пылая огнем, воздвигает
чертог.

Над вселенною Солнце, раскинув
власы, — встало Солнце, встал Шемс,

кто сильнее, чем бог!»

И пышное Солнце встало, горя, над великой пустыней, как шар заалев,

Засверкали, зажглись золотые пески, как восставший гигант, титанический лев.

«Салам тебе, Солнце! шюкр без конца! материнское лоно, бессмертная мать.

Только ты есть добро, милосердо лишь ты, лишь тебе вся любовь! свят, свят, свят, благодать!

Ты бессмертным восторгом наполнило грудь Зороастра-пророка когда-то Давно!

Завязь, полная жажды, здесь сердце мое: пурпуровое влей в мое сердце вино!

Ты — нетленная чаша вселенной, в тебе — золотых опьянений и радостей хмель,

Ты — бездонная чаша негаснущих чар, ты — бессмертных и чистых восторгов купель!

Опьяняй же меня! опьяняй же меня! неисчерпным вином опьяняй меня!

Чтоб забыть навсегда скорбь, и зло, и людей, и ночи обман, и насилие дня!

Ты сзываешь весь мир на

немолкнущий пир, ты — вселенной
добро, и сумрак — твой враг!

Необорный противник, сражаешь ты
мглу, ты сильней, чем бог, ты —
праведный стяг!

Опьяняй же меня блаженством твоим,
твоей светлостью вечной меня
опьяняй!

Всё, что ранит в былом, да канет
навек в благовонный, бессонный,
бездонный твой рай!

Только ты есть добро, милосердо
лишь ты, — ты бессмертная мать,
благодать, свят, свят, свят!

Поправшее смерть, ты — матерь
весны, ты выше чудес, ты прекрасно
стократ!

Тебя я люблю! тебя я люблю! жги,
язви, опаляй меня средь пустынь,

Палящей любовью меня обласкай и
золото косм мне на душу кинь!

Мне уста окровавь, на них наложив,
как палящий пожар, золотой поцелуй!

Мне объятья раскрой, чтоб с
блаженной тоской я кинулся в бурю
пламенных струй!

Эй, верблюды, пора! поднимайтесь! —
вскричал, обратясь к каравану, Абул
Маари. —

От копыт отряхните проклятую пыль прежних, рабских дорог в свете новой зари!

И в последний раз внемлите словам: я вас ненавижу, люди земли,

Ваших вер не хочу, гнушаюсь я всем, и злом и добром, всем, что вы обрели!

Лишь цепи кует, создает человек лишь тюрьмы рабам каждый день, каждый час.

Я вас ненавижу навек, навек! о, в последний раз ненавижу я вас!

Пусть оглохнет мой слух, чтоб его не смущал ненавистный шум, человеческий шум,

Пусть ослепнет мой взор, чтоб вовек не желал оглянуться назад, на людской самум!

Вперед, караван мой! веками лети! веками мчись к Солнцу, взвивайся, как пух,

Чтоб в светлых огнях, в пьяных лучах осолнчился я, обессмертил свой дух!

О Солнце-родитель! пурпурным плащом мне плечи покрой в моей новой судьбе,

Чтоб я, победитель, лазурным путем стремился мечтой всё к Тебе, всё к Тебе!»

Сура 7

И златистые челны — верблюдов
ряды, прорезавши волны огнистых
песков,

Помчались, качаясь, взрывая следы, в
златистую даль под звон бубенцов.

Никакие самумы палящим крылом не
догнали бы их меж песчаных долин,

И их не догнал бы звенящим копьем,
на быстром коне летя, бедуин.

И пальмы оазов, как пери светлы,
лобзанья дарили Абул Маари

И пламенной сказкой, приветом
любви услаждали его от зари до зари.

Но он не внимал нежным шелестам
их, приветам любви, что шептала заря,

Он к Солнцу, он к Солнцу упорно летел,
сам Солнцу подобен, как Солнце горя.

За ним расстилалась пустыня одна,
залитая светом, лишь светом одним,

А знойное Солнце в сапфире волос,
пронизанных светом, горело над ним.

Недоуздок на воле, мчался верблюд
бесшумно, безумно, рьяно вперед

В желто-пламенном поле, не ведая
пут, безраздумно, бездумно и пьяно
вперед.

Под пылающим сонмом небесных лучей над верблюдами словно горели венцы,

Немолкнущим звоном вольней, веселей, свободней звенели везде бубенцы,

И, пурпурным плащом одет, Маари летел, погружен в божественный сон,

Лазурным путем от зари до зари всё к Солнцу, всё к Солнцу летел, опьянен.